

Юлия Фирсанова

Родиться надо богиней

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Юлия Фирсанова

Юлия Фирсанова

Родиться надо богиней

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2011
 САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

*Ирине Елисейевой посвящается.
Мы начинали мечтать вместе!*

Кем будем завтра — мы не знаем.
Как повернется колесо?
По краю пропасти ступая,
Мы смотрим вечности в лицо.

Каким всевышним повеленьем
Нас снова ветер унесет
Дорогой вёрткой к обновленью
Сквозь вал проблем, несчастий лед...

Зачем преследует нас память
О том, что больше не вернешь?
Но нам нельзя ее оставить —
Домой без веры не дойдешь.

По лабиринту Мироздания,
На ощупь выбирая путь,
Мы ищем, затаив дыханье,
Свою неведомую суть.

Ирина Елисейева

В одном далеком-далеком королевстве жил могущественный король, и были у него прелестная, как роза, юная дочь и красивые, умные сыновья... Правда, принцесса отличалась своевольным, стервозным характером и крайней самоуверенностью, а братья ее, скажем прямо, были под стать сестрице, преизрядными сволочами. Но и такой бросовый товар Великий Творец и Силы умудряются использовать в своих играх с пользой для Мироздания. Как? Да это уж как придется....

P.S. Кстати, в этом романе нет ни одного положительного героя.

P.S.S. Блюстителям нравственности читать не рекомендуется.

Часть первая ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Глава 1 ЕЖОВЫЕ ПОЛОВИЦЫ

Небольшая и невзрачная, если бы не кокетливый белоснежный хохолок, черная птичка встречала рассвет летнего дня на узком карнизе прекрасного замка, стоящего на высокой скале. Внимательные, наполненные совершенно не птичьим интеллектом серые глазки скользили по неприступным крепостным стенам, утопающим в густом многоцветье знаменитых садов. О, в Садах Всех Миров Лоуленда были собраны удивительные, редчайшие растения из множества ближних и дальних уголков Вселенной, но странная птичка, не задерживая на них взгляда, посмотрела ниже, туда, где к берегу моря сбегали террасы, на которых раскинулся большой город.

Заспанное солнце не спеша выбралось из-за горизонта, улыбнулось и бросило тяжелые гроздья янтаря в холодный свинец вод. Море на востоке начало переливаться всеми оттенками красного и золотого. В итоге оно остановило свой выбор на глубоком синем цвете, и солнечные зайчики радостно запрыгали по поверхности воды.

Вспыхнули и засияли серебром стройные шпили замка. Белоснежные стены замерцали всеми цветами радуги. Потoki света ринулись вниз, окрашивая в цвет утра и свежести особняки знати, дома, проспекты, улицы, парки, сады, порты. И казалось, само светило в это время приостановило свой путь по небу, чтобы полюбоваться на необычную красоту столицы Лоуленда, величественного города Узла Мироздания.

Пичуге быстро наскучило созерцание местности, и, фальшиво чирикнув для поддержания пернатого имиджа, она осторожно перепорхнула поближе к окну королевской спальни, притаилась и стала ждать.

В великолепной комнате размером со стадион средней величины на огромнейшей роскошной кровати класса «драконодром», занимающей большую часть комнаты, в окружении шести красоток мирно почивал король Лимбер, сильный красивый брюнет в самом расцвете сил, как говаривал Карлсон, лет этак тридцати пяти на вид. Лицо его даже во сне хранило отпечаток суровой властности. Обнаженные дамочки, похожие между собой, словно клоны или цыплята из инкубатора, тоже безмятежно посапывали, прижавшись, кому хватило места, к мускулистому телу монарха.

Вот восходящее солнце робко заглянуло в покои сквозь щелку в тяжелой темно-синей бархатной портъере. Его узкий лучик игриво прикоснулся к плечу короля, скользнул выше и отразился искрами в мгновенно распахнувшихся зеленых глазах Лимбера. О, эти глаза не были глазами человека среднего возраста! Сразу становилось ясно, что мужчине не тридцать пять и даже не сорок лет, а гораздо, гораздо больше. Лишь тот, кто встречал рассветы не одного тысячелетия, мог смотреть на мир такими глубокими, старыми, как Вселенная, мудрыми, как тысяча змей, насквозь циничными, властными и горящими, как зеленое колдовское пламя, глазами.

Выпутавшись из цепких объятий дремлющих девиц, сладко потянувшись, так что заиграли тренированные мышцы длинных рук и широкой груди, его величество неторопливо сел, спустил ноги с кровати и... истошно приветствовал восход:

— Какая ...! Чтоб ...! ...!

Корчась от боли и потирая окровавленную пятку, словно пронзенную разом полудюжиной спиц, король попытался отыскать источник неприятностей. В дорогом сине-зеленом изуарском ковре с густым ворсом, покрывающем пол спальни, Лимбер обнаружил около десятка крупных карисских

ежей с тонкими и острыми, как стилеты, иглами. Животные с перепугу свернулись в клубки, практически сливающиеся по цвету с ковром, и теперь слабо подергивались, оглушенные ударной звуковой волной царственных воплей.

«Демоны Межуровня побрали бы этих выродков! — едва обретя способность соображать, ласково подумал король об ораве собственных драгоценных отпрысков и племянников. — Как только узнаю, кто подбросил этих тварей, спущу шкуру!»

Угрожающая мысль короля, умышленно направленная в пространство без привычной блокировки, была окрашена столь яркой эмоцией, что птичка без труда уловила ее и на всякий случай перепорхнула немного подальше, чтобы ее нельзя было разглядеть в щелку портьеры.

В том, что «пошутил» кто-то из младших родственников, монарх нисколько не сомневался: во-первых, враг нанес бы удар наверняка, стараясь убить, а во-вторых, магическая защита королевского замка, не говоря уж о святой святых — спальне монарха, была такой, что никакой враг просто не смог бы сюда пробраться и провести подлую диверсию. А вот свои... Время от времени кто-нибудь из детей Лимбера предпринимал подобные попытки «слегка пошалить» в тщетной надежде остаться неопознанным. Уж больно им хотелось опробовать свои силы на одном из самых могущественных богов-магов Лоуленда и других миров, являвшемся по совместительству и отцом. Только последний факт и спасал остроумных принцев от расправы со смертельным исходом.

Как правило, его величество разоблачал интригу и пресекал ее еще в зародыше, но в любом правиле есть исключения. Сегодня кому-то удалось переиграть самого короля.

Пребывая в мрачном настроении по этому поводу, Лимбер заковылял в гардеробную, вытирая драгоценные капли подсыхающей божественной крови о дорогой ковер и неуклюже лавируя между многочисленным поголовьем ежей, пасущихся в ковре.

Перепуганные наложницы, разом пробудившиеся от крика короля, ошалело глядели на повелителя с кровати, полуоткрыв от любопытства чудной формы пухлые губки и хлопая пустыми голубыми глазками, сквозь небесную синь которых ясно просвечивала стенка. Ругаясь сквозь зубы на пятидесяти языках и выстраивая изощренные многоэтажные словесные конструкции (птичка аж замерла в восхищении), Лимбер дернул за резную ручку первого попавшегося шкафа с одеждой и тут же шарахнулся в сторону от полыхнувшей стены огня. Отпрыгнув от шкафа, его величество приземлился едва успевшей зажить пяткой аккуратно на очередной весьма крупный экземпляр карисского ежика. Раздался еще один царственный вопль, полный уже не столько боли, сколько ярости и досады. Тем временем пламя погасло, не оставив на драгоценном черном дубе шкафа ни малейшего следа, чего нельзя было сказать о его содержимом. Король, заскрежетав зубами от бешенства, обнаружил, что его гардероб, пошитый у лучших портных, обратился в пепел. В остальных шкафах не нашлось ничего, кроме нескольких горстей того же вещества, годного для удобрения. Сработало цепное заклинание, искусно подвешенное за кончик на ручку двери, которую и открыл, на свою беду, утративший бдительность Лимбер, сочтя, что лимит пакостей на сегодня исчерпан. Это доконало короля. Проклиная ту ночь, когда он зачал своего первого ребенка, мужчина направился в ванную, мимоходом грозно рявкнув все еще пребывающим в ступоре рабыням-наложницам: «Вон!»

Привыкшие к беспрекословному повиновению женщины исчезли из спальни, даже не подобрав разбросанных вечером одеяний. Испытывать на себе королевский гнев, чреватый если не отставкой и продажей, то уж точно отсутствием подарков, дамочкам не хотелось.

Игнорируя комфорт гигантской ванны, страдающей, как и кровать, манией величия в тяжелой форме, Лимбер смыл под сильной струей воды кровь с пятки, мимоходом накладывая простенькое заклинание заживления, ускоряющее и без того интенсивный процесс регенерации. Через некото-

рое время малость посвежевшее после душа, полностью исцеленное и даже причесавшее густые иссиня-черные волосы величество, одетое в широченный черно-зеленый махровый халат, найденный в ванной (единственную вещь, избежавшую страшной смерти в пламени), вернулось в спальню, чтобы учинить жестокую расправу над ежами.

Бедные, ничего не подозревающие о коварных замыслах короля зверюшки, деловито пыхтя, мирно топотали по комнате, засовывая любопытные носики во все щели. Мстительно усмехнувшись, король мановением руки телепортировал ежей за окно и, мечтательно прикрыв глаза, прислушался. Но кроме ожидаемых шлепков о плиты двора снизу раздался еще и негодующий сдавленный вопль.

Одним рывком отдернув тяжелую портьеру и с шумом распахнув правую створку большого окна, Лимбер вспугнул маленькую пичугу, сидевшую на подоконнике. Затрепетав крылышками, та поспешно вспорхнула с насиженного места и мгновенно скрылась из виду с возмущенным чириканьем.

Король уже не видел того, что, круто спикировав, словно ас-авиатор, птичка влетела в приоткрытое окно двумя этажами ниже. Отчаянно трепеща крылышками, птичка кое-как выпуталась из тюля и обернулась в очаровательную обнаженную сероглазую девчушку лет пятнадцати на вид и двенадцати по факту, которая рухнула в ближайшее глубокое кресло и, согнувшись пополам, захихикала.

«О Силы, как удачно получилось! Рассчитывала разыграть только папочку, а перепало еще и надменному братцу Энтиору! И даже подглядеть потихоньку удалось, спасибо лорду Эдмону за лекции по началам оборотничества!»

Под окнами замка изысканно-прекрасный высокий брюнет с хищным, точно выточенным из мрамора лицом, строгое совершенство которого буквально завораживало, сверкая ледяными глазами и шипя от ярости, ожесточенно целил острыми каблуками высоких сапог в слегка оглушенных ежей, попутно потирая ушибленное и исколотое плечо. Иглы глубоко вонзились в тело даже сквозь охот-

ничий костюм, сделанный из дорогой плотной кожи вивера, слишком тонкая выделка которой на сей раз пошла владельцу во вред. Ежики, снабженные перед засылкой в королевскую спальню заклятием неуязвимости, не по-ежиному шустро уворачивались и разбегались.

Кидая испуганные взгляды на беснующегося Энтиора, бросали свои дела и поспешно исчезали со двора слуги и рабы, дабы не попасть под руку безжалостного принца, опасного и в лучшем своем расположении духа. Сейчас же великолепный бог готов был сорвать свой гнев на первом попавшемся существе.

На шестом этаже замка их величество, вдоволь налюбовавшись открывшейся его взору картиной, оглушительно заржал, забывая о собственных утренних огорчениях, и захлопнул окно, задернув портьеру. «Ох, неспроста, кажется, птички летают! — подумал король, схватив за хвост метавшееся в голове подозрение. — Кто?»

В целях магической безопасности лично ликвидировав заклятием полной очистки пятна крови с ковра в спальне, Лимбер прошел в малый кабинет, где иногда работал по вечерам, заказал завтрак и, опустившись в кресло, включил наложенное на зеркало стандартное заклинание слезения. Запивая вином гигантские бутерброды из ломтей хлеба, сыра и ветчины, что было не слишком изысканно, зато сытно — Лимбер хоть и знал толк в гастрономических изысках, но предпочитал, подобно своему старшему сыну Кэлеру, простоту, — мужчина принялся скрупулезно осматривать покои любимых детишек и племянников заодно. Конечно, это было не совсем корректно и совсем даже не принято, но кто и что может запретить королю? В положении абсолютного монарха есть свои плюсы, а не только минусы, которыми частенько бывала забита голова его величества, отрывавшегося наконец от кипы срочнейших документов на рабочем столе либо возвращавшегося глубокой ночью с затянувшегося совещания или нудного приема.

Сейчас король был готов угробить на муторную проверку столько драгоценного монаршего времени, сколько пона-

добиться, но заловить виновника утренних неприятностей. Государственные дела подождут, сначала воспитательные процедуры. Его величество неожиданно вспомнил, что он не только правитель великого государства, но и отец изрядно распоясавшихся отпрысков. Вот только напоминание об этом было весьма болезненным!

Маленькая принцесса-хулиганка, подозревая о коварных планах отца, поправила тюль на окне, мигом юркнула в спальню, накинула на себя длинную ночную рубашку из нежных тончайших кружев и забралась в постель. Уютно свернувшись клубочком под мягким пушистым одеялом, она закрыла глаза и притворилась спящей, распространяя вокруг ауру счастливых сновидений. Мурлыча про себя от удовольствия, словно кошка, Элия думала: «Будешь знать, папочка, как игнорировать собственную дочь! Уже целых пять дней даже не зашел пожелать прекрасного утра или поцеловать на ночь. А вчера, когда я заглянула к тебе в кабинет, попытался испепелить меня взглядом! И испепелил бы небось, если б не боялся поджечь свои проклятые бумажки, которые тебе дороже дочери! Теперь попробуй найди виновного! Скорее Лоуленд утонет, чем найдешь! — Девчужка мысленно показала отцу язык. — А смазливый клыкастый ублюдок Энтиор тоже получил по заслугам. Не будет воротить нос в моем присутствии! Можно подумать, его сестренка — форменная уродина, а не одна из прелестнейших девушек королевства, нет, самая прелестная! Конечно, в последнее время он так не делал, но я не забыла, что было раньше. Мечь приятнее есть холодной, как говорит братец Джей. Вот и получи! Зато теперь наш красавчик знает новый танец — пляска с ежами!» Принцесса хитро улыбнулась.

Минут за десять король успел выяснить, кто из его милых детишек находится в замке, где и чем занимается. Еще двадцать ушло на посещение мест пребывания многочисленных отпрысков семейного древа и щедрую раздачу зуботычин для профилактики даже тем, кто не делал ничего по-

дозрительного. Оставив так ни в чем и не сознавшихся сыновей и племянников собирать с пола выбитые зубы и гадать, за какой именно из своих многочисленных проступков они получили этот небольшой нагоняй, Лимбер направился в покои дочери. К счастью для неугомонных детей тяжелого на руку короля, они обладали столь потрясающей регенерацией, что через полчаса, приложив немного магических усилий, могли щеголять новенькими зубами естественного происхождения, без помощи стоматологии.

Рывком распахнув дверь, король влетел в спальню принцессы. Элия встрепенулась от стука двери о стену и, «сонно» моргая, высунула из-под одеяла милое личико. Устремив на отца недоумевающий взор, она спросила:

— Что случилось, папочка? У нас наводнение или пожар? Пора спасать вещи?

Потом плутовка очаровательно улыбнулась, взмахнув длинными ресницами.

— Ни то, ни другое, твои платья и книги в полной безопасности. Просто зашел пожелать дочурке прекрасного утра! — заявил король, огибая очередной пуфик, вставший у него на пути.

— Ты меня почти напугал и разбудил. Мне снился такой сладкий сон! — с легким разочарованием вздохнула девчушка, не уточняя, снился ли сон сегодня и сейчас и относится ли слово «почти» к слову «разбудил».

— Извини, — присев на кровать, «раскаялся» Лимбер без тени сожаления в голосе.

Откинув одеяло, он бесцеремонно вытащил дочку из постели и, усадив к себе на колени, нежно погладил по длинным, чуть вьющимся шелковистым волосам цвета светлого меда, рассыпавшимся по спине.

«А девочка-то почти совсем взрослая. И когда только успела вырасти?» — с легкой горечью подумал он, окидывая беглым взглядом опытного мужчины вполне сформировавшуюся, отнюдь не детскую фигуру единственной дочери.

Несмотря на огромную, соперничающую с бесконечностью продолжительность жизни, дети королевской семьи и

знатных родов Лоуленда выросли быстро, во всяком случае физически. В тринадцать лет считалось вполне приличным выдать девушку замуж, пока она еще чиста, невинна и не испорчена циничными откровениями высшего света. С мальчиками закон обходился более великодушно — им дозволялось жениться лишь с двадцати одного года, то есть с совершеннолетия. Впрочем, молодежь пользоваться брачным правом отнюдь не спешила, дорожа собственной свободой и радужными перспективами, открывающимися благодаря «взрослой» независимости. Что же касается развития умственного и психического, то король в минуты гнева, изъясняя царственное негодование, частенько величал своих отпрысков, чей возраст перевалил за несколько сотен лет, а кое у кого и за тысячу, недоумками, дурнями или болванами, в зависимости от настроения. И правды ради надо сказать, такие эпитеты бывали иногда честно заслужены.

Конечно, Лимбер отлично понимал, что дочурка неизбежно вырастет, маленькая проказливая, неугомонная и смешливая девчушка, которую он любил всем сердцем, хоть и старался это скрыть за маской циничного безразличия или небрежной доброжелательности, очень быстро станет взрослой женщиной. Это-то и угнетало короля, заставляя задумываться о том, как себя с ней вести. Стратегию поведения с единственным ребенком женского пола он худо-бедно выработал, но, как себя вести со взрослеющей, а тем более взрослой дочерью, совершенно не представлял. К счастью, пока она еще оставалась его любимой избалованной малышкой.

— Расскажи мне свой сон, детка, может, он вещий, а я поведаю тебе, какие неприятности свалились на меня сегодня с самого утра, — предложил король.

Удобно устроившись на коленях отца, Элия ласково расправила кружевной воротник его рубашки, положила головку на папино плечо и мечтательно прошептала:

— Мне снился большой ночной бал в Лоуленде. Играла музыка, все танцевали в ярком свете магических шаров, смеялись, пили вино, я тоже танцевала с красивым зеленоглазым брюнетом. На мне было платье. Такое декольтиро-

ванное, черное с серебряным шитьем, широкой пышной юбкой и шлейфом, а драгоценности...

— Очень интересно, детка, — кисло хмыкнул Лимбер. Его настроение враз испортилось от очередного напоминания о неизбежном. — Меньше чем через полгода тебе исполнится тринадцать, придет пора выйти в свет и быть представленной на первом взрослом балу на открытии осеннего сезона. Закажешь к нему такое платье и драгоценности, какие только пожелаешь.

— Конечно, папочка! — Девчушка взвизгнула от избытка чувств и, пылко обняв отца, нежно чмокнула его в щеку. — Поскорей бы! Мне так хочется стать взрослой.

— Всему свой черед, малышка. — Король поспешил замять разговор, который действовал ему на нервы.

С одной стороны, он действительно гордился Элией и хотел, чтобы она блистала на балах, чтобы весь Лоуленд, все миры безграничной Вселенной наполнились слухами о ее необычной красоте и восхищались ею, чтобы слава о принцессе — дивной Элии, прекрасной розе Лоуленда — гремела повсюду. И в то же время Лимбера бесила до зубовного скрежета мысль о том, что его малютка будет беспечно кружить головы мужчинам, меняя их как перчатки и разбивая сердца, а в том, что так будет, король, зная свою наследственность и характер дочери, был просто уверен. Лимберу не хотелось уступать кому-либо главное место в ее сердце, а мысль о том, что рано или поздно девушка должна выйти замуж и, быть может, навсегда покинуть замок, а то и сам Лоуленд, вовсе вгоняла короля в черную меланхолию. Он крепко прижал дочь к себе, словно уже боялся потерять, и сменил тему:

— А мне, дорогая, сегодня утром какая-то вконец обнаглевшая сволочь в спальню карисских ежей запустила и гардероб спалила цепным заклятием Фара. Так что насчет пожара ты угадала. Пришлось применить большое обратное заклинание восстановления Харины. Не ходить же голым — дамам, глядишь, и понравилось бы, но протоколу не соответствует, да и прохладно еще по утрам в залах, чего доброго, к трону самое дорогое примерзнет.

Исподтишка король внимательно наблюдал за реакцией дочери на это сообщение.

— Бедный папочка! — Девушка обвила шею отца тонкими ручками и, преданно глядя ему в глаза, спросила дрогнувшим от волнения голосом: — Ты не пострадал?

— Я — нет. А вот Энтиор... — Лимбер криво ухмыльнулся.

— Так это он учинил?! — Голосок принцессы зазвенел от возмущения, брови сошлись на переносице, на лбу появилась тоненькая вертикальная складочка — фамильная черта.

— Нет, не он, к сожалению. А то бы я ему всыпал, кулаки так и чешутся по его самодовольной надменной физиономии прогуляться. Но наш красавчик сам пострадал от ежей. — Король пустился в красочное изложение утренней истории. — Таким образом, виноватого я еще не нашел, — закончил Лимбер и пристально посмотрел в глаза дочери. — Ведь отпечатка магической силы на заклятии не было, видно, постарался какой-то умелец из своих, воспользовавшись чистой энергией Источника.

Элия спокойно выдержала отцовский взгляд, тяжело вздохнула и сказала:

— Бедные животные! Они колючие, но такие симпатичные! А Энтиор просто чудовище!

— После сегодняшнего утра не сказал бы, что карисских ежей горячо люблю, они вызовут во мне теплые чувства только в бульоне. Суп из них, что ли, заказать? Может, и неплохой выйдет, слышал, их в Тарисе едят. Надо у племянника Мелиора спросить, если готовят, пусть в меню внесет. А насчет Энтиора ты права, он форменное чудовище. Ничего не поделаешь, дочка, такова его сущность. Угораздило же меня тогда спутаться с вампиршей! Характерец был тот еще, чистая фурия, но красотка, словно Творец лично ваял, качаешься... Твой братец — достойное дитя своей мамочки. Тем не менее королевство нуждается в его божественных талантах дознавателя, и гораздо чаще, чем мне бы того хотелось... — Упоминание о предназначении сына навело короля на мысль о непочатом крае собственной работы, его величе-

ство вздохнул и закончил: — Ладно, малышка, меня ждут государственные дела, а тебя — завтрак и занятия.

Король приобнял Элию на прощание, потрепал по волосам, посадил на кровать и направился в большой кабинет, где уже поджидали его, словно свора алчных гончих, секретари. Мысленно его величество вынес вердикт: «Не она!» Где-то в глубине своей мудрой души Лимбер прекрасно знал, кто виновен в его утренних неприятностях, но любовь к дочери надежно скрыла эту истину в дебрях подсознания.

В большой комнате, до потолка заваленной книгами, увешанной картами Лоуленда и ближайших крупнейших миров, а также прочей географической скукотищей, бедняжка Элия была обречена провести значительную часть прекрасного солнечного летнего утра. Из окна виднелись королевские сады, долетал аромат цветов и трав, доносилось пение птиц, кто-то смеялся, а несчастная принцесса сидела с унылым видом в кресле, следила за пляской пылинок в воздухе, покачивая изящной ножкой, и от нечего делать листала какую-то толстую книгу, кажется «Важнейшие географические исследования» — очередной выпуск за последние пятьсот лет. Там изредка попадалось кое-что достойное мимолетного внимания принцессы. Например, портреты симпатичных путешественников и исследователей, часть из них, как указывали сноски с датами, были не только живы, но и относительно молоды. Видимо, сия наука в своем практическом разрезе привлекала не только законченных зануд и уродцев, не нашедших применения своим хилым способностям в других отраслях знаний. Взять хотя бы брата Элтона, всерьез изучавшего не только историю, но и географию! Студентки в университете проходу не давали принцу, занимавшему должность декана.

Наконец, ровно минута в минуту к началу урока, появился учитель. Стойкое отвращение к предмету Элия приобрела не без его помощи. Это был болезненно худой мужчина неопределенного возраста, с вечно кислой, словно суп из квашеной

капусты, физиономией, всегда одетый в аккуратный до отворачивания костюм траурно-серого оттенка и рубашку такого же цвета. Но, несмотря на свою чистоплотность, учитель казался девушке каким-то пыльным и линялым. Даже пахло от него, как от забытых в шкафу старых тряпок, — лавандой, отгоняющей моль. Девушка обреченно вздохнула и с силой захлопнула книгу.

— Для начала, ваше высочество, повторим одну из тем, — уныло сообщил лорд Ллойд, едва опустившись на стул с жестким деревянным сиденьем и прямой спинкой. — Дайте общий обзор географии Лоуленда.

— Страны или города? — Элия, как всегда, тянула время, безуспешно играя в старую игру «выведи учителя из себя». Впрочем, сегодня девушка придумала кое-что новенькое и надеялась, что это сработает.

— Страны, — вяло отозвался мужчина и, сцепив пальцы, прижал руки к груди. Затем он возвел очи к потолку и приготовился слушать принцессу.

Лорд Ллойд прекрасно понимал, что великая и прекрасная наука география ничуть не интересуется легкомысленную девушку, поэтому занятия превращались в мучение. Но ему нужны были деньги, которые король платил за обучение своих нерадивых отпрысков, и учитель их отработывал, как всегда добросовестно.

Неприметным движением пальцев принцесса активизировала приготовленное еще с вечера малое заклинание-помощник. Девушка терпеть не могла зубрежку и, дабы избежать ненавистного занятия, предпочитала пользоваться магией. Простенькое заклятие типа Память Региста не только помогало цитировать наизусть целые страницы, но еще и оставляло их в сознании мага в сжатом виде конспекта до тех пор, пока владелец не уничтожал его, очищая мозг от хлама.

Словно автомат, Элия четко, но нарочито монотонно излагала загруженные в нее сведения с первой по семидесятую страницу учебника «Краткий обзор географии Лоуленда». Девушка всерьез предполагала, что зануда-учитель не успокоится, пока не прослушает в ее исполнении все тысячу шестьсот

сорок восемь страниц выдающегося произведения и пару сотен книг дополнительной литературы. С этим срочно надо было что-то делать, поскольку более тратить свое драгоценное время на подобную ерунду принцесса не собиралась.

До сознания ученицы долетали лишь обрывки цитируемого текста:

— Государство Лоуленд расположено на материке, со всех сторон омываемом Океаном Миров. Через него Лоуленд взаимодействует с другими государствами миров...

Столица Лоуленда — город Лоуленд. Государственный строй — абсолютная монархия. Король — Лимбер Первый...

Основные виды хозяйственной деятельности жителей: торговля, сельское хозяйство — виноградарство, кузнечное дело, ювелирное дело, изготовление магических инструментов, амулетов и оружия, книгопечатание...

Из-за большой территории государства климат разнообразен. В южных землях — жаркий сухой, в восточных — жаркий влажный, в северных — умеренный влажный, в западных — умеренный сухой...

Местность по большей части равнинная, с небольшими возвышенностями, но на севере и близ столицы гористая. Значительные пространства заняты лесом...

Погода устанавливается магическим способом...

Большая часть земель принадлежит правящей семье и первым лордам королевства...

Столица — крупнейший город страны. С трех сторон окружена лесом, именуемым Гранд. Лес имеет стратегическое значение. С севера город имеет выход к океану. Лоуленд представляет собой систему террас, спускающихся к воде. Целостность террас сохраняется магическим способом. На самой верхней находится королевский замок, ниже несколько террас занимают королевские сады, далее расположен привилегированный район города, так называемое Первое Кольцо, включающий резиденции знатных лордов королевства, важнейшие общественные здания и учреждения культурного значения, как то: музеи, храмы, театры, университет и прочее; ниже, во Втором Кольце, находятся

дома людей, принадлежащих к зажиточному и среднему классу, располагаются соответственно крупнейшие организации экономического характера: банки, рынок рабов, Большие торговые ряды, мастерские и прочее. Третье Кольцо считается наименее престижным местом застройки...

Спустя пятнадцать минут лорд Ллойд подавил зевок и, расцепив пальцы, сказал:

— Достаточно, ваше высочество. Эту тему вы помните отлично. Наше сегодняшнее занятие будет посвящено особенностям сельского хозяйства в южных регионах Лоуланда.

Элия захлопнула ротик на полуслове и отключила закливание. Учитель углубился в долгий и нудный рассказ, практически в точности повторяющий содержание учебника, который он сам написал лет шестьсот назад и с тех пор периодически печатал с незначительными изменениями.

Какое-то время принцесса еще слушала его вполуха, но потом взбесилась окончательно, набралась нахальства и решила привести в исполнение свой коварный и дерзкий план. Девушка начала пристально разглядывать камзол лорда Ллойда несколько ниже пояса с самым задумчивым и одновременно крайне сосредоточенным видом, будто решала какую-то проблему, явно не имевшую касательства к теме урока.

— Чем вы заняты, ваше высочество? — Зануда Ллойд наконец заметил, что ученица совершенно его не слушает.

— Да вот думаю, какое оно у вас... — нарочито безразлично протянула Элия, слегка прикусив губку.

— Кто? — озадаченно спросил учитель, и на его лице отразилось жалкое подобие недоумения.

— Ну ваше копые. — Взгляд принцессы многозначительно устремился вниз...

Лорд Ллойд покраснел, как вареный рак, все его мысли смешались в несвязный ком. Учитель вскочил со стула и пулей вылетел из комнаты. Проказница звонко рассмеялась и с удовлетворением подумала, что ей наконец-то удалось вывести зануду из себя. Он не задал домашнего задания, а может быть, повезет настолько, что и вовсе откажется вести уроки. Элия давно считала, что необходимости в их продол-

жении нет. Нужные знания о собственном мире и его окрестностях девушка получила, а то, чем занимаются крестьяне южных провинций, принцессе, не имевшей ни малейшего желания наследовать трон и вести государственные дела, знать вовсе не обязательно. Все, что понадобится, вполне можно будет узнать из карманного «Дорожного атласа всех миров», подаренного ей в канун Новогодья Элтоном. Замечательная магическая книга меняла свое содержание при переходе из мира в мир, снабжая владельца практически полной информацией о его местопребывании, правда, до сих пор, к сожалению, Элии не довелось испытать подарок в «полевых условиях», пришлось ограничиться проверкой в экскурсионных поездках с эскортом братьев или кузенов по близлежащим мирам.

Пока же, не теряя времени даром, принцесса привычно сплела заклинание связи. Оно нашло «абонента» и включилось, собеседники стали видимы и слышимы друг для друга. Лорд Эдмон, высоченный красивый шатен с копной волос, лукавыми карими глазами и широкой, чуть циничной улыбкой, был застигнут вызовом принцессы на веранде родового имения. Он сидел в большом кресле с бокалом вина и книгой в руках. На лорде было простое домашнее одеяние, состоящее из широких мягких темно-зеленых брюк, короткого распахнутого золотистого халата и удобных тапочек без задников. Элия прекрасно разглядела обувь учителя, поскольку мужчина с удобством разместил длинные ноги на маленьком столике рядом с креслом.

— Прекрасное утро, лорд Эдмон. От меня сбежал учитель географии. Не могли бы вы провести урок магии немного раньше? Я хотела прогулять музыку и отправиться на прогулку в Сады, — непосредственно изложила девушка цель своего «звонка».

Лорд отложил книгу, бросив на страницу в качестве закладки лист, сорванный с обвивающего столбы веранды плюща, сверкнул улыбкой и ответил:

— Прекрасное утро, ваше высочество! Я, как всегда, целиком и полностью в вашем распоряжении.

— Тогда до встречи через пять минут в зале магии. Вас это устроит?

— Безусловно, моя принцесса.

Отключив заклинание связи, девушка выгнула бровь на отцовский манер, фыркнула с легким негодованием: «Твоя? Нет уж, я только своя собственная!» — и выпорхнула в коридор, где чуть не налетела на Нрэна — гениального бога войны и собственного старшего кузена в придачу. Мужчина избежал столкновения, мгновенно сместившись вправо быстрым текучим движением прирожденного воина.

Кузен, как всегда, напомнил Элии ожившую классическую статую из Лоулендского музея искусств, которую по недоразумению или в шутку обрядили в поношенный коричневый камзол. Строгие, абсолютно правильные черты лица, застывшего в выражении вечного покоя. Холодный, отстраненный взгляд янтарно-желтых глаз, высокий лоб, узкие, не знающие улыбки губы, прямой нос, светлые волосы, спадающие до плеч, тоже прямые и решительные, как его характер.

— Прекрасное утро, Нрэн! — радостно защебетала девушка, приближаясь к родственнику с явным намерением чмокнуть его в щеку, если удастся допрыгнуть. — Давно не виделись, дорогой кузен! Я уже успела соскучиться. А ты? Ты только что вернулся? Успешен ли был поход?

— Да, — отшатнувшись, буркнул кузен, отвечая на все вопросы разом.

Его янтарные глаза нервно блеснули. Мужчине показалось, что от Элии к нему метнулся обжигающе горячий заряд Силы, пронзивший не только тело, но и душу. В один миг привычно бесстрастное, холодно-логичное восприятие мира изменилось безвозвратно.

Под недоуменным взглядом принцессы кузен вдруг сорвался с места и помчался по коридору так быстро, словно за ним гналась стая взбесившихся мантикор или орава кредиторов. Впрочем, вряд ли воин стал бегать от тех и других, просто вытащил бы из ножен свой гигантский двуручный меч, и спустя пару секунд любая проблема, вздумавшая по глупости встать у него на пути, перестала бы существовать.

Хотя зачем пачкать меч? С такой мелочью Нрэн справился бы и голыми руками.

Догонять кузена Элия не кинулась, но обиженно надула хорошенькие губки и пожалала плечами: «Что это с ним? Со всем ополоумел. Раньше по крайней мере здоровался. Неужели я настолько подурнела? Силы, вы это видите?! Не был дома почти год, а встретившись с единственной и весьма, кстати, очаровательной кузиной, удостоил ее лишь одним словом. Он всегда был невежей и нелюдимом, но чтобы до такой степени? Жаль, что я не успела взглянуть на его эмоциональный фон, может, смогла бы хоть что-нибудь уловить. Но я ему еще отомщу! Нет, на себя бы посмотрел, пугало огородное, столько миров покорил, а на новый костюм, видать, все денег не хватает!»

Когда негодующая принцесса приблизилась к апартаментам Нрэна, находящимся на том же этаже, что и зал магии, двери были уже плотно закрыты. Из-за них отдаленно слышались лишь тяжелые шаги лорда, приглушенные знаменитыми мягкими ковриками из восточных земель далекого пустынного королевства Эндор. Это были совершенно очаровательные, длинные как дорожки, но мягкие, золотистых тонов коврики с абстрактным узором цвета темной охры. Девушка давно положила на них глаз, но не знала, с какой стороны подкатить к прижимистому, несмотря на громадное состояние, Нрэну, чтобы выпросить приглянувшиеся коврики. Они замечательно подошли бы к ванной комнате юной богини. Принцесса блаженно улыбнулась, представив, как ее маленькая ножка ступит на мягчайшее золотистое чудо. Но мало того что эти шедевры ткацкого мастерства эндорцев стоили как целый гарем хорошеньких рабынь, щедрый папа не скупясь оплачивал прихоти дочери, так Элии еще ни в одной лавке не попались коврики такой дивной расцветки, о которых она мечтала. Греза томилась за запертой дверью апартаментов вредины Нрэна.

И вот в голове у девушки созрел план, для которого ей перво-наперво следовало заручиться поддержкой лорда Эд-

мона. Она мстительно улыбнулась и решительным шагом направилась в зал магии.

А в это время лорд Нрэн продолжал нервно мерить шагами периметр своих апартаментов.

«Демоны Межуровня меня побери, я отсутствовал всего лишь год, а вернувшись, обнаружил вместо девчонки-кузины, вечно путающейся под ногами в самый неподходящий момент, прелестную девушку! О Силы! Это было как удар молнии. Я никогда не видел никого прекраснее ее».

Нрэн с трудом попытался подавить очень нехорошие мысли, которые были совершенно недопустимы с точки зрения его пуританской морали, подхваченной неизвестно в каком монастыре и совершенно чуждой развеселому вольному Лоуленду. Недопустимы вдвойне и втройне, ибо относились мало того что к собственной, так вдобавок, кажется, еще и несовершеннолетней кухне, почти девочке, как до сих пор продолжал считать вопреки всем вопившим инстинктам его сохранявший остатки рационализма разум.

«Впрочем, если я не ошибаюсь, скоро ее уже будет пора выдавать замуж. Тринадцать лет — самый подходящий возраст. Лимбер наверняка подыскал для дочери выгодную партию». От этой мысли лорду стало совсем плохо, накатила волна слепой, безрассудной ревности и неистовое желание схватиться за меч и убить любого, кто посмотрит на Элию с желанием во взоре. Неподобающие мысли, легко подчинив плоть, с новыми силами пошли на штурм сознания.

«Это какое-то наваждение, поглоти меня Мэсслендская бездна! Я извращенец! Что же делать? — И тут лорда осенило: — Надо поскорей отправиться в поход! Подальше отсюда, от нее, от себя. Это должно помочь. Все пройдет, если я не буду ее видеть. Завтра же отдам приказ о начале новой кампании».

Запутавшись в собственных чувствах, Нрэн сам не заметил, как раздавил сильными длинными пальцами хрустальный бокал. Воин озадаченно посмотрел на осколки редкого

джарентийского хрусталя, стряхнул их с руки и мимоходом убрал беспорядок простеньким заклинанием. После чего с видом человека, только что узнавшего о неизлечимой смертельной болезни, отправился в ванную — смывать пыль воинских странствий и боль сердца, которое неожиданно напомнило о своем существовании впервые за многие века.

Глава 2 КОВЕРНОЕ БЕГСТВО

Элия вошла в зал магии — огромное светлое помещение, в котором на первый взгляд царил полный бардак: магические книги, амулеты, инструменты и ингредиенты, столы, стулья, кресла, шкафы, свечи и прочие нужные предметы были перемешаны совершенно невообразимым образом. Казалось, что проектировал обстановку какой-то вконец свихнувшийся дизайнер. Но на деле этот беспорядок был создан искусственно и поддерживался долгие двадцать семь столетий. Обстановка максимально способствовала развитию магического потенциала. Она успокаивала, заставляла сосредоточиться, помогала сконцентрировать силу. Когда-то с сильнейшего похмелья — закономерного последствия длительных поминок души безвременно перешедшего в следующую инкарнацию короля Мэсленда — это сотворил отец Лимбера, да, протрезвев окончательно, так и оставил: уж больно по душе пришлась ему перестановка. Большой оригинал, дедушка Леоранд вообще славился неожиданными идеями и вспыльчивым нравом. По Лоуленду ходило немало слухов о его сумасшествии и немыслимых сумасбродствах. Когда дед исчез окончательно около семнадцати столетий назад, оставив королевство сыну, никто, кроме самого бедолаги Лимбера, вовсе не обрадовавшегося свалившейся на голову власти и куче обязанностей, убиваться не стал. Что именно произошло с дедушкой, Элия не знала, по этому поводу ходило несколько версий: то ли он сгинул в темной бездне Межуровня, то ли окончательно рехнулся и до сих

пор бродит по мирам, а может, где-нибудь на постоялом дворе в дальнем измерении ему перерезала горло жадная до денег шлюха. Все версии казались принцессе одинаково вероятными, но поскольку дедушку Элия знала только понаслышке, то и не переживала особенно по поводу его отсутствия. Гораздо больше, чем прошлое, ее волновало настоящее, а именно — урок магии.

Сгорающий от любопытства учитель был уже на месте — в одном из угловых кресел, стоявшем в окружении двух шкафов со всякой всячиной, одного диванчика с кучей разноцветных подушечек и абсолютно пустого маленького столика на резных ножках. Эдмон сменил домашнее одеяние на изящный камзол кофейного цвета и светло-лимонную рубашку, расшитую золотой нитью. На груди мужчины красовалось массивное украшение — золотая цепь с редким янтарным алмазом. Конечно, родовое имя лорда Эдмона находилось в нескольких десятках километров от Лоуланда, но попасть на урок вовремя для него не составило труда. Личное заклинание телепортации высокого допуска, наложенное на ту самую цепь с алмазом, доставило его прямо к воротам королевского замка. Самостоятельно внутрь могли телепортироваться лишь члены правящей семьи или их избранные друзья и возлюбленные, получившие допуск, заверенный королем. Такая мера безопасности была когда-то отнюдь не лишней, теперь же избавляла обитателей замка от ненужных проблем с незваными, нежеланными или надоевшими гостями. А учитывая крайнюю любвеобильность членов королевской семьи, проблем было много.

— Еще раз прекрасное утро, лорд Эдмон. Вы еще здесь? А я уже начала опасаться, что тоже сбежите, — поприветствовала Элия педагога.

— Прекрасное утро, ваше высочество. Умоляю, откройте мне секрет, почему я должен сбежать? — поинтересовался любопытный маг, вставая и отвешивая легкий поклон очаровательной ученице.

— Ну как же, — принцесса вспорхнула на диванчик, сбросив туфельки на пол, — сегодня это в моде. От меня уже сбе-

жал учитель географии — раз, кузен Нрэн — два. Может, враги государства наложили на меня проклятие и я превратилась во что-нибудь страшненькое, сама того не заметив?

— О нет, ваше высочество, вы, как всегда, прелестны! Если от вас сбежали мужчины, то причина может быть только одна. Они не вынесли ослепительного сияния вашей красоты, — элегантно возразил лорд Эдмон, невольно угадав причину побега Нрэна.

— Да? — Элия сделала вид, что серьезно задумалась. — Это успокаивает, значит, мне нужно либо уменьшить силу своего обаяния, дабы оно не пугало, либо увеличить, чтобы люди пугались настолько, чтобы не в силах были удрать.

— Второе будет гораздо проще, ваше высочество, — с задумчивой меланхолией подсказал очарованный учитель, любуясь изящной формой стоп и лодыжек принцессы, высовывающихся из-под краешка длинного подола светлого утреннего платья.

— А теперь давайте заниматься, — вежливо прервала Элия речь лорда Эдмона, угрожавшую обернуться небольшим ливнем комплиментов. Их принцесса любила, но сейчас девушку интересовали вещи поважнее.

— Конечно, ваше высочество, — ответил сгорающий от неудовлетворенного любопытства и желания посплетничать маг. При всей пылкости натуры и тяге к женскому полу Эдмон являлся очень талантливым и усердным учителем. — Что вас интересует сегодня?

Девушка была чрезвычайно одаренной ученицей, обладающей огромным потенциалом Силы и гибким умом, способным всесторонне применять талант. Поэтому после детального изучения основных законов и правил, необходимых как воздух каждому имеющему дело с волшебством, и ускоренного курса по начальным разделам магии учитель предоставил Элии почетное право выбирать темы для шлифовки способностей самостоятельно.

Принцесса на секунду «задумалась» и ответила:

— Пожалуй, оживление вещей.

— Прекрасный выбор. — Лорд Эдмон собрался с мыслями и начал читать небольшую лекцию: — Итак, оживление

вещей. Оживить вещь — значит придать ей определенную индивидуальность, интеллект и способности, которыми она ранее не обладала. От оживления вещи следует отличать вселение в вещь души или сущности, то есть сознания разумного существа, ранее принадлежавшего кому-нибудь. Но это мы с вами уже проходили, ваше высочество. Как и всякая другая магия, требует затрат энергии, то есть Силы. Оживление вещи может осуществляться различными путями, как богами и магами, так и другими существами или сущностями. Оживлять вещи, используя присущую им особую энергию, наделяя частью этой энергии предмет, могут также Силы — чаще Двадцати и Одной, Источников Узлов Мироздания, реже Равновесия и Абсолюта, случаев оживления вещей Силами Высшего Абсолюта и далее по иерархии не зарегистрировано — для своих целей или по просьбе инициированных. Действия Источника Лоуланда, что есть по сути квинтэссенция Силы нашего Мира Узла, в этом случае аналогичны. Существа типа богов, к каковым относимся мы с вами, оживлять вещи могут различными методами. Первое и самое примитивное — с помощью Закона Желания. Дайте его формулировку, ваше высочество.

— Всякий субъект, обладающий определенным коэффициентом силы и даром к творению, может добиваться исполнения своего желания при помощи ключевого слова «хочу» или «желаю». Желание осуществляется при выполнении следующих условий:

- а) точная формулировка;
- б) если желание индивидуума не противоречит желанию другого индивидуума с большим коэффициентом силы;
- в) не противоречит желанию Сил;
- г) не нарушает Законов Великого Равновесия, — торжественно отбарабанила Элия правило, запечатленное в ее сознании заглавными буквами.

— Хорошо, — довольно улыбнулся маг. — Теперь второй способ оживления: с помощью специальных амулетов, предназначенных для этого, и магических слов, активизирующих их. Такими амулетами, в частности, являются: шар Рейдера,

звезда Хейстона, четки Гарвиса. Если вам это интересно, с подобными амулетами мы ознакомимся позднее. Наконец, третий и самый распространенный способ: при помощи заклинаний разного порядка и уровня сложности. Кстати, ваше высочество, ранее для активизации части подобных заклинаний не только в отдаленных диких мирах, но и близ Лоуленда еще каких-то пять тысяч лет назад, я это прекрасно помню, использовалась кровь рабов. Например, для изготовления вещи-убийцы. Теперь это считается излишеством и вульгарностью, к которой прибегают лишь малоопытные маги, дабы пустить пыль в глаза. Кровь обладает великой силой, но в данном случае ее энергия, наполненная ужасом смерти, может стать излишней и исказить заклятие. Существует семь ступеней заклинания оживления. Остановимся подробнее на третьей из них — внедрение в вещь первичных инстинктов и способности к движению, ибо первые две степени исключают двигательную активность. — И лорд Эдмон, не упуская ни малейших деталей, углубился в специфические подробности, касающиеся практики оживления, возможных отклонений, путей их исправления и обращения заклинания.

Через полтора часа Элия удовлетворенно вздохнула.

— Спасибо! Вы замечательный учитель, лорд Эдмон! Так хорошо все объясняете. — Девушка мило улыбнулась. Принцесса усвоила еще в детском возрасте, что для продуктивной работы мужчины нуждаются в небольшом поощрении — комплиментах — и любят их не меньше женщин, хотя и стараются это скрыть. Часто пары ласковых слов бывает достаточно, чтобы заставить их сделать то, что нужно тебе.

Лорд Эдмон постарался скрыть довольную улыбку и мягко ответил:

— Для вас — все что угодно, принцесса.

— Благодарю.

Элия еще раз мило улыбнулась. Ей льстил такой энтузиазм. Несмотря на свой незначительный титул, Эдмон пользовался в Лоуленде заслуженным уважением, ибо имел репутацию одного из лучших и опытнейших магов королевства, кроме того, он был достаточно симпатичным мужчиной.

Серьезных авансов, поощрявших легкие ухаживания Эдмона, принцесса делать не намеревалась, но против сиюминутного флирта не возражала. Тем более что на качестве преподавания это не сказывалось, комплименты комплиментами, но учителем Эдмон был опытным, требовательно-строгим и очень въедливым. Конфликтных ситуаций между педагогом и ученицей не возникало только потому, что хотели они одного и того же: чтобы Элия как можно лучше освоила магические искусства.

— Теперь, ваше высочество, перейдем к практической части занятия. Пожалуйста, поработайте с этим предметом. — Учитель указал на маленький круглый столик для магических принадлежностей, стоящий в углу. — Для начала примените оживляющую магию третьей степени, ваше высочество. Если все пройдет удачно, на втором этапе дорастим заклинание до седьмой степени.

Элия сосредоточилась и словами и жестами начала плести заклинание, которое должно было вложить в неодушевленный предмет примитивные инстинкты типа самосохранения и придать ему способность двигаться и выполнять простейшие приказы хозяина. Творя заклинание, девушка на секунду представила себе, как столик, словно домашний котенок, доверчиво трется об ее ноги, и едва не рассмеялась, но смогла сосредоточиться и продолжить работу. Учитель не вмешивался, предоставив Элии возможность закончить чары самостоятельно.

Обычно любые магические действия — составление, изобретение и плетение заклинаний в любой из сфер, изготовление амулетов, вызов различных существ — давались Элии легко. Она словно не училась, а жила магией и питалась ею. Самое трудное для мага дело — сочинение новых заклятий — было скорее занимательной игрой, чем упорным трудом. Часто принцессе казалось, что она не учит новое, а лишь вспоминает слегка подзабытое. Возможно, как предполагал учитель, сказывалась подсознательная память инкарнаций, проявляющаяся у богов куда сильнее, чем у других существ. Кроме того, Элия просто любила магию за

предоставляемую возможность творить нечто новое, используя собственную силу и законы этого великого искусства.

Вот и сейчас работа была ей в радость. Наконец завершающий жест был сделан, истаял в воцарившейся тишине отголосок последнего слова, столик окутало серебристо-голубое магическое сияние, ответ личной силы юной богини. Элия полюбовалась дымкой и в очередной раз решила, что цвет ее магии куда красивей, чем, к примеру, у лорда Эдмона. Сила учителя имела буроватый оттенок с проблеском малахита, а вот ответ божественной силы брата Рика, искрящейся алым и ярко-зеленым, девушке нравился.

Серебристо-голубой туман, видимый только богам и магам, быстро развеялся. Столик дрогнул, зашевелился. Робко перебирая резными ножками, он сделал шаг, другой и несмело направился к девушке. А затем вдруг принялся преданно тереться об ее ноги.

Элия удовлетворенно улыбнулась: «Сработало!»

— Ваше высочество, это магия не третьего порядка, а седьмого, — озадаченно сообщил учитель, оглядывая оживленный предмет магическим зрением.

— Но я использовала слова и жесты третьего порядка!

— Да, — подтвердил Эдмон, пристально следивший за работой ученицы, — но, по всей видимости, дополнительным стимулом для перехода заклинания на более высокий уровень послужило ваше неосознанное желание, ставшее адекватной заменой недостающим магическим компонентам. Даже не высказанное вслух, желание бога иногда может сбыться, мы об этом говорили, изучая следствия Закона Желания.

— Разве это плохо? — удивилась Элия.

— В данном случае, разумеется, нет. Но впредь при составлении заклинаний с варьируемой степенью интенсивности вам, возможно, придется пользоваться блокировкой эмоций, если вы хотите достичь строго определенного результата. На сегодня занятие можно закончить, наращивать заклинание уже нет необходимости. Вы отлично поработали. На следующем уроке, если вашему высочеству будет угодно, мы можем остановиться на составлении чар для оживления вещи-убийцы более подробно.

— Моему высочеству угодно, спасибо, лорд Эдмон. До завтра! — Зачем ей может понадобиться вещь-убийца, Элия пока не знала, но не сомневалась, что такая информация когда-нибудь пригодится. Жаль только, что испытания сразу провести будет не на ком, кровными врагами принцесса по юности лет обзавестись не успела, а переводить на эти цели жизни рабов посчитала вульгарным.

Девушка послала учителю воздушный поцелуй и выпорхнула за дверь, свистнув столику, который старательно заसेмнил следом за ней, подобно преданному песику.

Элия удовлетворенно подумала, что теперь-то она отыграется на Нрэне. Чары, которые были составлены и применены однажды, при последующем воспроизведении не вызвали особенных трудностей. Например, если первое заклинание оживления юная колдунья плела целых семь минут, тщательно следя за дикцией, паузами и интонированием слов в предложениях, то теперь ей нужно было бы просто воспроизвести в памяти слова заклинания, повторив руками первый и последний жесты. Чем опытнее был чародей, тем меньше времени занимало колдовство. Великие тратили на произнесение сложнейших заклятий всего несколько секунд, а сочиняли их за минуты. Именно поэтому в магии так важны не только знание, дисциплина памяти и мышления, но и долгая практика. При столкновении магов с равной силой и талантом все решал опыт. Отлично понимая это, юная принцесса старалась практиковаться как можно чаще, в тщетной надежде нагнать старших братьев и кузенов, освоивших магию гораздо раньше сестры.

Лорд Эдмон проводил свою ученицу долгим взглядом и нежно подумал: «Ты будешь величайшей колдуньей миров, моя принцесса, самая лучшая, самая талантливая ученица! Интересно, в чем проявится твой основной дар и божественная суть? Мне кажется, я уже догадываюсь...» На циничном лице Эдмона появилась мечтательная романтическая улыбка. Будь у мужчины сейчас под рукой зеркало, он бы весьма удивился, заметив столь чуждую его натуре мимическую гримасу.